

Борис КОРНЕВ

## ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ

### Эссе

*Германия уже имела «Песнь о Нибелунгах», Италия — свою тройственную поэму, Португалия — Лузиаду, «Испания — Лопе де Вега, Кальдерона и Сервантеса, Англия — Шекспира»,... у французов Вильон воспевал в площадных куплетах кабаки и виселицу, и почитался первым народным поэтом!*

А.С.Пушкин.

- Сегодня расскажу о Франсуа Вийоне и прочту несколько его баллад. Завтра буду спрашивать... Наизусть.... Эс клэр? (Это ясно?)

- Сэ клэр! (Ясно!), - заученно и хором ответили мы. - Все сидели за партами и еле попевали за учителем усердно записывать в тетради.

Этот новый учитель приносил нам много всяких французских книжек. Однажды приволок огромную карту Парижа, где были видны все улицы, памятники архитектуры и даже дома... Много рассказывал об этом городе, где ему довелось жить с родителями. Учился в Сорбонне. Потом - Ленинград, работа в Интуристе...

- Знаю, - говорил он, - чтобы самим не мучиться, станете искать оригинал и перевод. Не утруждайтесь. Нет переводов! И вообще, пора приучать себя думать и чувствовать по-французски. Лучше слушайте... - И в стенах класса, привыкшего к женскому голосу преподавателей, мягким баритоном зазвучала мелодия поэзии Вийона. Учитель, когда читал, преображался. Он всем своим видом говорил нам: «То, что написано в учебниках про поэзию: «бичует лицемерие», «яркое полотно» и тому подобное - просто набор слов! А, вот сама поэзия... Это нужно уметь услышать!».

Уж, как нас измучили, как надоели ежедневные уроки по французской лексике и грамматике! Рутинa. Семь лет одно и то же! Эти повелительные, условные и сослагательные наклонения, целых девятнадцать времён. Только прошедших - шесть! А на уроках

французской литературы, на его уроках, мы получали удовольствие от прикосновения к прекрасному, к Вийону, Рабле, Мольеру... Потом пытались сравнивать и находить в них общее или отличия. Выискивали эротические сцены в «Bel-Ami» Мопассана и «Madame Bovary» Флобера... Теперь произносить что-нибудь по-французски без «прононса» было уже немыслимо и даже стыдно. Даже записки девчонкам писали чаще всего именно на французском. Но все они сразу влюбились в молодого мужчину из Интуриста.

Когда слушали в оригинале баллады «О Дамах былых времён» и «О состязании в Блуа», их автор ярко, как живой, представал перед нами в образе нового учителя: в таких же синих потёртых джинсах и свитере-балахоне... Сирота, в двенадцать лет студент, в семнадцать - бакалавр искусств, потом разбойник, забулдыга. Приговорённый к казни, тридцатилетний Франсуа с лёгкостью балагура завещает приятелям всё, что у него есть: пустые карманы, любимые кабаки, грязные улицы и ночлежки... «Украл, выпил, в тюрьму. Романтика!» Только что закончилась Столетняя война, повсюду смятение и разруха, уличные драки и столкновения с властями... В это время, в тюрьме, да в короткие промежутки между отсидками рождался основоположник французского Возрождения, Франсуа Вийон. Его стихи крепко скроены, их непристойность - поэтически оправдана. Он жил на земле и был наиземным поэтом, пытавшимся через свою поэзию понять себя. Но не мог. Искал пути - и не находил...

В шестьдесят четвёртом, учитель был прав, когда советовал не искать переводов Франсуа Вийона. Кто по настоящему этим занимался, почти все или умерли, или уехали за границу, или сидели в тюрьме, в любом случае - их литературные труды не издавались, а уже опубликованные изымались. Николай Гумилёв - расстрелян в восемнадцатом. Одиночные перепечатки его переводов издавались в тринадцатом году и даже в советское время, в тридцать восьмом, правда, за подписью Осипа Мандельштама, вскоре после этого арестованного. В шестнадцатом мелькнули два очень вольных перевода Жаботинского. Тогда же пытался переводить Вийона Илья Эренбург, но его усилиями французский поэт предстал перед читателем в весьма искажённом образе. Позднее Эренбург вместе с Феликсом Мендельсоном, снова вернулся к его балладам, но это произошло только через полвека. Антология «Французские стихи в советских переводах», составленная Ефимом Эдкингом в 1964-м, была остановлена ещё в вёрстке. А вскоре и его самого выслали из страны. Валерий Перелешин, живя далеко в Бразилии, не смог не прикоснуться к стихам Вийона и в семьдесят третьем расщедрился на две баллады. В девяностых одну перевёл Сергей Петров, три - Алексей Парин. Юрий Кожевников публикует переводы многих

творений Вийона. Потом будет ещё Юрий Корнеев с его миниатюрной книжечкой, вобравшей в себя всего Вийона вместе с балладами на воровском жаргоне.

А нам так и не пришлось попробовать себя в художественном переводе. Несмотря на гуманитарный уклон, в последних классах пришлось больше работать над техническими текстами, и филологические устремления начинали угасать. Но любовь к языку и литературе не умерла. Хороший был учитель. Он помог нам вырваться из рутины грамматики. А Вийон с его помощью застрял в памяти и всё время потом напоминал и о поэзии, и о любимом учителе французского языка.

Со времён школы прошло полвека. Часто с горечью вспоминаю последние десятилетия, и рефреном во мне звучат слова "прошлогодний снег". Они очень точно обозначают противоречивость сегодняшнего отношения к трагическим событиям девяностых. С одной стороны, их забвение, а с другой - неуёмное желание, даже потребность «остановить мгновений бег» и оглянуться... Кто первым сказал об этом? Когда, зачем? Ах, да! Это же Франсуа Вийон! «Les neiges d'antan».

Сразу захотелось посмотреть - когда, благодаря кому в нашем языке уже практически идиомами стали изречения Франсуа Вийона. Как случилось, что мысли, впервые озвученные им полтысячи лет назад, позднее были по своему повторены поэтами и стали для нас такими обыденными. «Смеюсь сквозь слёзы», «Прошлогодний снег», «Чужбина мне - страна моя родная»... Можно найти и другие.

Коснусь только двух, по-моему, самых красивых стихов Вийона. Начну, конечно, с «Дам» - «О Дамах былых времён». Несмотря на множество обстоятельных комментариев, эта баллада до сих пор хранит много загадок. Одна из них связана с её многочисленными персонажами. Их экзотический ряд составлен Вийоном из двенадцати имён: куртизанок, взошедших на трон, народных героинь, королев, погубивших своих любовников, умерших в муках от болезней или испытавших горе матери... В первой строфе только дамы античности. Во второй - Верхнего Средневековья. В третьей - почти современники поэта. Разное время, разные судьбы, красивые легенды! Но ни красота, ни мудрость, ни любовь, ни знатное происхождение, в конце концов, не спасают всех их от смерти или от страданий. «Как снег, каждое поколение «дам» покрывает землю и должно в свой черёд в землю уйти». Вслед за прошлогодним снегом растает снег и этого года...

Сложность идентификации героинь баллады не раз предоставляла возможность читателю пофантазировать. Не избежали этого и знатоки древней культуры и литературы. Что только ни «вытворяли» поэты-переводчики ради сохранения мелодичности стиха, чтобы вписаться в его сложную ритмическую структуру и показать читателю в ключе русской поэзии его загадочный смысл.

Один из них, помимо двенадцати воспетых Вийоном, через запятую назвал ещё пять новых женских имён, предварив перечисление лишь общими словами об их славе. При этом ушли в небытие несчастная красавица Алиса, убитая Архипиادا, умершая от болезней Арембургиды и потерявшая мужа и одного из сыновей мать Карла Великого Берта. Другой поэт никого не добавлял, но тоже обошёл вниманием трёх - всё тех же Арембургиду и Алису, ещё, наверное, для рифмы, добавив к ним, Беатрису. Почему их? Да ещё с таким постоянством. Третьему переводчику тоже довелось сократить список знаменитостей и снова из той же третьей строфы. Но, как бы извиняясь за это, он тут же поспешил заметить: «О, сколько их...». Мол, всех не перечислишь.

Наверняка эти «издержки» позволили известным переводчикам поэзии Франсуа Вийона передать что-то более важное, нечто Целое... В этом они, разумеется, преуспели. Хотя, как сказал однажды А.С.Пушкин: «Трудность, искусно побежденная, счастливо подобранное повторение, лёгкость оборота, простодушная шутка, искреннее изречение — редко вознаграждают усталого изыскателя».

Познакомившись с переводами разных авторов, уже не могу остановиться в своих изысканиях. Теперь о второй балладе «О состязании в Блуа». Она породила самое большое количество крылатых изречений. Призываю не замахиваться на сложные аспекты перевода, а приглядеться к мелочам. Тонкости перевода и сопоставление их с такими же особенностями текстов других авторов позволяют раскрыть возможности и характер переводчика, дают понять читателю, чем этот или другой может поступиться в тяжёлой работе над авторским текстом, а чем - нет.

Вийон не просто преподносит нам выписанные в рифму отдельные жизненные противоречия, которые можно было бы тасовать, как карты. Его строки в подлиннике увязаны друг с другом и низвергаются каскадом оксюморонов.

Предлагаю читателю самому почувствовать разноцветье переложений первой части баллады «О состязании в Блуа».

Вот Илья Эренбург:

От жажды умираю над ручьем./Смеюсь сквозь слезы (Je ris en pleurs) и тружусь, играя./Куда бы ни пошел, везде мой дом,/Чужбина мне - страна моя родная. (En mon pays suis en terre lointaine).

Здесь поэт-переводчик, аккуратно изъясл шестую строку авторского текста «il ris en pleurs et attends sans espoir» (буквальный перевод - он смеётся в плаче и ждёт без надежды) и поместил её в самое начало баллады к словам первой строки «От жажды умираю над ручьём». Стоило только появиться ей не на своём месте, и сразу, как будто, исчезли куда-то озорные искорки оптимизма Франсуа Вийона, то и дело прорывавшиеся сквозь холщовую ткань его произведений. Ведь он смеётся, когда «нищ и гол», а, совсем «не умирая над ручьем...»

У Юрия Корнеева в этом фрагменте тоже исчезает вторая авторская строка - её вдруг заменяет прямая речь. А «смех сквозь слёзы» появляется там, где ему и положено. Но как появляется?

У родника от жажды я стенаю;/Хочу сказать: «Прощай!» — кричу: «Привет!»/Чужбина для меня — страна родная./Надеюсь там я, где надежды нет/ Хулу нежданно шлю хвале во след,/ лишь тем одушевляюсь, что мертво./ Смеюсь сквозь слёзы бог весть отчего.../

«Смеюсь сквозь слёзы бог весть отчего». Получается, что Вийон у нас «с приветом», больной какой-то. Что ж так не везёт этой запомнившейся всем строке! Вот уж действительно - смех сквозь слёзы.

Совсем иначе у Ю. Кожевникова. У него строки оригинала баллады максимально сохранены. Только «слёзы» в последней строке заменены на «стон».

У родника я жажду в летний зной,/Я лязгаю зубами в огневице,/В своей стране — я на земле чужой,/Зимой в лесу костром не отопиться./Я гол, как червь, одетый в багряницу,/Жду без надежды и смеюсь сквозь стон.../

В.Жаботинский тоже переводит без изменений в расположении авторских строк

Я у ручья томлюсь, палимый жаждой;/Огнем горю, от стужи трепеща,/На родине, где звук и вид мне каждый/Далек и чужд. Лохмотья и парча;/Гол, как червяк, в одежде богача./В слезах смеюсь. Хочу лучей и грома./Жду новизны, что мне давно знакома.../

Дальше в балладе есть одна фраза, всего одна строка! «Gisant envers, j'ai grand paour de choir...» (буквальный перевод: покоясь по отношению к..., имею большой страх). Но как по-разному преподносят эту строку те, кто подарил нам «русского Вийона».

Лучше других, пожалуй, перевёл Юрий Кожевников. Смотрите, как просто! (Я, лежа на земле, боюсь свалиться). Он преподносит нам наиболее яркий пример противоречивости двух частей строки. Для сравнения посмотрим другие. Илья Эренбург: (Я по земле с опаскою ступаю), Юрий Корнеев: (С крыльца сойдя, боюсь упасть с него), Валерий Перелешин: (Боясь упасть с постели, чуть не плачу), Владимир Жаботинский (Страшусь упасть, лишь лягу на покой), Алексей Парин (Упасть боюсь, а сам - червям сосед), Ирина Васильева (Простёрт лежу - гнетёт паденья страх), Сергей Петров (Боюсь упасть, когда лежу ничком).

Что тут скажешь! Конечно, ступая по земле, вполне можно упасть, так же, как, впрочем, и с постели, и уж тем более, с крыльца...

А ведь в этой строке, как и во всей балладе, важно, не искажая суть произведения, максимально ярко и точно выразить приведённое автором совсем простое и одновременно неконкретное противоречие. Важно, потому что вся поэзия Франсуа Вийона соткана из таких противоречий, как, впрочем, и его жизнь.

И, наконец, о «прошлогоднем снеге». С него начал я свои поиски. Этим и закончу. Вернёмся «к дамам...», к концовке баллады «О дамах былых времён».

Prince, n'enquerrez de sepmaine/Ou elles sont, ne de cest an/Qu'a ce reffrain ne vous remaine,/ Mais ou sont les neiges d'antan?/

О государь! с тоской смиренной/ Недель и лет мы встретим бег;/ Припев пребудет неизменный:/ **Увы, где прошлогодний снег!** /(пер. В. Брюсова, 1913 г.)

О Принц, с бегущим веком ссора/ -Напрасна, жалок человек;/И пусть вам не туманит взора:/«**Но где же прошлогодний снег!**»/( пер. Н. Гумилева , 1913 г.)

Принц! грустно смерти платит дани/С припевом вечным человек./Где скорбь разлук, восторг свиданий?/ **Да где ж он, прошлогодний снег?**/ (пер. С. Пинуса, 1914 г.)

Принц, всё проходит мимо в быстрой смене,/Но пусть припев сей прозвучит навек/Тщетой припоминаний и томлений: /**Но где же он - где прошлогодний снег?** /(пер. И. Эренбурга, 1916 г.)

Принц, красота живет мгновенье./ Увы, таков судьбы закон! /Звучит рефреном сожаленье: /**Но где снега былых времен?..**/ (пер. Ф. Мендельсона, 1963 г.)

Над ними, князь, по целым зимам/Вздыхайте здесь у очага /И над припевом повторимым:/**Но где давнишние снега?**/ (пер. В. Перелешина, 1973 г.)

Не нужно, принц, страдать вам из-за них, /Плодов не ждать от высохшего древа: /И пусть вас не тревожит этот стих: /**Снега времён, давно минувших, где вы?** /(пер. Ю.Кожевникова, 1995 г.)

Принц, не придумано аркана, /Чтоб удержать мгновений бег./ К чему ж крушиться постоянно: /“Где ныне прошлогодний снег” / (пер. Ю. Корнеева, 1996 г.)

Для эпиграфа к своему роману «Тандем» о наших девяностых годах выбрал именно эти последние строки баллады Вийона. Уже сдав книгу в печать, увидел, как это сказано у Н. Гумилёва. Для книги о людях, оказавшихся на перепутье эпох, так, пожалуй, было бы лучше... Благодаря усилиям многих переводчиков, мы теперь имеем несколько вариантов «русского Вийона». Каждый сможет найти для себя своего!

Когда роман был уже в печати, я отправился в гости к бывшей однокласснице, во Францию. Многие девчонки из нашего класса там живут. Учитель французского языка помог им найти работу в Интуристе. Рассказывая иностранцам о Ленинграде, познакомились, потом вышли замуж и уехали. Уже сорок лет прошло. Настоящие француженки! Спрашиваю их соседей: «Ну, как ваш Вийон?». Не знают - кто такой!.. Может, и неправ был Пушкин? И Франсуа Вийон во Франции вовсе не первый поэт и не народный... Или это одноклассникам так не повезло с соседями? Они-то любят первого поэта эпохи Возрождения. Я знаю! Видел разноцветные книжки с закладками и с виселицами, изображёнными на обложке. Стоят, как в былые времена, в доме на полке рядом с томами Пушкина и Достоевского. И у них, и у их детей, в основном девочек, почему-то...

Этим дамам перевод не нужен.